

*И. В. Демин**

ДВЕ СТРАТЕГИИ КРИТИКИ СОЦИАЛИЗМА В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. (Б. Н. ЧИЧЕРИН И Л. А. ТИХОМИРОВ)**

Сопоставляются две трактовки и стратегии критики социализма, представленные в либеральном консерватизме Б. Н. Чичерина и социальном консерватизме Л. А. Тихомирова. Оба философа усматривали сущность социализма в гипертрофии начала принудительной регламентации и видели в распространении социалистических идей опасность ниспровержения фундаментальных оснований социальной жизни. При этом Тихомиров признавал относительную историческую правоту социализма, тогда как Чичерин отказывал социалистическим учениям не только в теоретической обоснованности, но и в логической последовательности. Источник расхождений в трактовках социализма обнаруживается в различии исходных философско-методологических презумпций и базовых метафор, в свете которых русские философы описывали и объясняли феномены общественной жизни. Философско-политическая мысль Тихомирова разворачивалась в рамках парадигмы социального органицизма и холизма, тогда как Чичерин исходил из неустранимой двойственности органического и неорганического (индивидуалистического) начал.

Ключевые слова: социализм, идеология, критика социализма, либеральный консерватизм Чичерина, социальный консерватизм Тихомирова, социальный органицизм, индивидуализм.

I. V. Demin

TWO STRATEGIES FOR CRITICIZING SOCIALISM IN RUSSIAN CONSERVATIVE THOUGHT OF THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES (B. N. CHICHERIN AND L. A. TIKHOMIROV)

The article analyzes two interpretations of socialism presented in the liberal conservatism by B. N. Chicherin and the social conservatism of L. A. Tikhomirov. Both philosophers defined

* Демин Илья Вячеславович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева»; ilyadem83@yandex.ru

** Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

the essence of socialism as the hypertrophy of the beginning of compulsory regulation. They saw in the spread of socialist ideas the danger of destroying the fundamental foundations of social life. However, Tikhomirov recognized the relative historical correctness of socialism, whereas Chicherin denied in socialist doctrines not only in theoretical substantiation, but also in logical consistency. The reason of discrepancies in the interpretations of socialism lies in the difference between the initial philosophical and methodological presumptions and basic metaphors. Tikhomirov's philosophical and political thought developed within the paradigm of social organicism and holism, whereas Chicherin combines the principles of organicism and individualism in interpreting social life.

Keywords: socialism, ideology, criticism of socialism, Chicherin's liberal conservatism, Tikhomirov's social conservatism, social organicism, individualism.

В русской общественно-политической мысли последней трети XIX — начала XX в. вопрос о социализме приобрел не просто важное, но во многом решающее значение. Именно трактовка и оценка социализма стала одним из определяющих критериев для размежевания в ней различных либеральных и консервативных направлений.

Философские предпосылки и основания социализма, социализм и христианство, этика социализма, социализм и русская историческая традиция — вот лишь некоторые вопросы, обсуждавшиеся на рубеже XIX–XX вв. как в публицистических брошюрах, так и в фундаментальных трактатах по политической философии и философии права.

О значимости данной проблематики в идейном контексте отечественной интеллектуальной традиции свидетельствует тот факт, что ни один из русских политических философов не обошел вниманием проблему социализма. Если и можно усмотреть что-то общее в общественно-политических взглядах и построениях таких мыслителей, как Ю. Ф. Самарин, К. Н. Леонтьев, Вл. С. Соловьев, Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, Л. А. Тихомиров, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, так это тот факт, что все они видели в социализме вызов (причем вызов не только политический и исторический, но философский и мировоззренческий). Однако характер и содержание этого вызова, а также стратегии противостояния ему оценивались и описывались по-разному, зачастую с диаметрально противоположных идейных позиций.

Наиболее фундаментальные презумпции и предпосылки (онтологические, социально-философские, этические) того или иного направления общественно-политической мысли часто проявляются не в ходе раскрытия позитивной модели общественного и государственного устройства, но в процессе *критики* иных, альтернативных и враждебных идеологических течений. Этот тезис может быть раскрыт и проиллюстрирован на любом конкретно-историческом материале. В данной статье мы рассмотрим и сопоставим две стратегии критики социализма, представленные в работах Б. Н. Чичерина и Л. А. Тихомирова.

К разбору и критическому анализу социалистических учений XVIII–XIX вв. Б. Н. Чичерин обращался во многих своих политических [24; 25], историко-философских [23] и философско-правовых [27] работах. Однако наибольшее значение для понимания причин и оснований отвержения социализма русским философом имеет трактат «Собственность и государство» (1882–1883). Как справедливо отмечает И. И. Евлампиев, книга Чичерина «Собственность

и государство» стала «первым капитальным опровержением философской и экономической теории социализма и коммунизма в русской философской традиции» [3, с. 21].

Л. А. Тихомиров, пройдя на протяжении 70–90-х гг. XIX в. сложную идейную эволюцию от нигилизма и революционного народничества к православному монархизму, опубликовал в 1905 г. фундаментальный и самый известный свой труд «Монархическая государственность», в котором обосновал ставшую впоследствии едва ли не общепринятой в русской религиозно-философской традиции трактовку социализма как негативной реакции на буржуазный индивидуализм. Социализм, согласно Тихомирову, способен упразднить социальную борьбу, ведущуюся в «буржуазном» обществе, «но лишь уничтожив саму свободу и всех заковав в рамки общего порабощения» [19, с. 495]. Эта трактовка была всесторонне развернута Тихомировым в ряде публицистических работ 1907–1909 гг. [22; 18; 20; 21].

В отечественной исследовательской литературе неоднократно рассматривались философские, общественно-политические, правовые воззрения как Б. Н. Чичерина [5; 2; 4; 6; 10], так и Л. А. Тихомирова [9; 13–16], однако сравнительного анализа стратегий критики социализма, представленных в работах этих философов, еще не проводилось.

Остановимся вначале на общих для Чичерина и Тихомирова моментах в трактовке социалистических учений.

Оба философа уделяли существенное внимание рассмотрению и критике как философско-теоретических, так и практических (экономических, политических, правовых) аспектов социализма. Учитывая неоднородность социалистического направления мысли и социалистического движения XIX в., Чичерин и Тихомиров стремились выявить *интегральную сущность* социализма, *общий знаменатель* социалистического миропонимания. В этом состоит *формальное* сходство двух трактовок. Далее в ходе разбора текстов русских философов термин «социализм» будет использоваться преимущественно в значении *интегральной модели социалистической идеологии*, общего знаменателя различных социалистических и коммунистических учений и доктрин.

Переходя к содержательным сходствам, отметим прежде всего, что оба философа усматривали сущность социалистических теорий в *апологии социального насилия*, *гипертрофии начала принуждения* в общественной жизни.

Социализм, писал Чичерин, «хочет весь экономический строй общества основать на братстве» [26, с. 274], однако любовь к ближнему здесь «перестает быть свободным влечением сердца» и «становится принудительным началом» [26, с. 274]. Давая общую оценку социалистическому проекту, Чичерин замечал:

Большей тирании невозможно себе представить, а вместе с тем невозможно представить более коренного извращения как нравственных, так и экономических законов. Принудительная нравственность есть безнравственность; она подавляет то самое начало, которое она хочет поддержать [26, с. 274].

Сходную трактовку социализма находим и в работах Тихомирова. «Особенность социализма, — писал русский философ, — состоит в неверии в свободную солидарность» [22, с. 4]. Социализм насаждает солидарность принудительную,

однако «принудительная солидарность уже не есть солидарность» [22, с. 4]. В необходимости *принудительного* осуществления социалистического этического и социального идеала и Чичерин, и Тихомиров усматривали основное противоречия социализма.

Оба философа придерживались той точки зрения, что апология насилия и принуждения в социализме не является всего лишь внешним, случайным элементом, привнесенным конкретными условиями социально-политической жизни и борьбы. Необходимость и неизбежность насильственного разрушения старого общества, утверждения и поддержания нового социального порядка вытекает из самой сути социалистической идеологии. Суть социализма как идеологии и общественно-политического движения и Чичерин, и Тихомиров видели в насильственном разрушении не только *исторически определенного* социального порядка («буржуазного» общества и государства), но *общества как такового*.

Согласно Чичерину, социализм представляет собой величайшую опасность, поскольку «грозит разрушением всему общественному строю» [26, с. 725]. В ходе критического разбора различных социалистических концепций XIX в. Чичерин показывал, что социализм разрушает не «буржуазную» собственность, но собственность *как таковую*, собственность как коренное начало всей общественной и экономической жизни [26, с. 171]. То же самое относится и к началу свободы. Социализм не просто раскрывает историческую и экономическую обусловленность «буржуазного» понимания идеи свободы, он «подрывает свободу в самом ее корне» [26, с. 176]. В целом же антисоциальная природа социализма, согласно Чичерину, состоит в том, что социалистические учения стремятся поколебать «самые твердые и неоспоримые начала общественного быта» [26, с. 162].

Та же мысль почти в тех же выражениях представлена и в работах Тихомирова: «Не «нынешняя» собственность, не «буржуазная» уничтожается в социализме, а вообще собственность как институт. Точно так же уничтожается социализмом не «нынешняя семья», а вообще семья» [22, с. 15]. И далее:

Социалистическая доктрина разрушает не только современное общество, а делает невозможным какую бы то ни было общественность. Она разрушает самую способность людей жить в обществе и созидать общество [22, с. 45].

В этом пункте отчетливо проявляется черта, присущая, по-видимому, *всякой* идеологической критике. Что в оптике одной идеологии предстает исторически обусловленным и изменчивым, то в другой может оказаться выражением трансисторической «природы человека». Так, в концепциях Чичерина и Тихомирова частная собственность и договорное право выступают в качестве начал, проистекающих из *самой человеческой природы*, тогда как в рамках марксистской теории эти социальные институты рассматриваются как *исторически обусловленные*. Что является исторически обусловленным «общественным установлением», а что проистекает из «природы человека», — определяется целостным контекстом идеологии.

Социализм, согласно трактовкам Чичерина и Тихомирова, ниспровергает такие основания социальной жизни, как частная собственность, индивидуаль-

ная свобода, семья, религия. Аналогичным образом дело обстоит и с правом. Одним из выражений разрушительной, антисоциальной природы социализма является правовой нигилизм. Оба философа не принимали тезис о том, что марксистский социализм стремится ниспровергнуть лишь *буржуазный* государственно-правовой строй. Отвергая идею естественного права и рассматривая позитивное право в качестве инструмента классового господства, марксизм, с их точки зрения, подрывает одно из фундаментальных оснований всей общественной жизни — начало правопорядка.

Те ценности и идеи, которые декларируются социалистами, согласно Тихомирову и Чичерину, входят в коренное противоречие с социалистической апологией насилия и установкой правового нигилизма. Попытка реализации социалистических идей неизбежно приводит к результатам, прямо противоположным тому, что социалисты провозглашают и декларируют. Так, вместо освобождения человека от оков материальной нужды социализм приводит к его закреплению и порабощению государством и обществом. Однако уже в этих общих тезисах, разделяемым большинством представителей русской философской традиции, между трактовками Чичерина и Тихомирова обнаруживаются некоторые примечательные расхождения.

Чичерин не проводит принципиальных различий между ранним утопическим социализмом и социализмом марксистским. Утопическим, нереализуемым (в силу противоречия исконным началам общественной жизни) он объявляет всякое социалистическое учение. Тихомиров же, раскрывая тезис о разрушительном воздействии социалистических доктрин на общественное сознание, придает существенное значение различиям между *утопическим социализмом* и *марксистским материалистическим социализмом* [18, с. 16]. Идея классового антагонизма и принцип социального насилия, согласно Тихомирову, доводятся до своего логического завершения именно в марксистском социализме, в идее всемирной пролетарской революции:

Последователям Фурье, Оуэна или Луи Блана легко было при первом же разочаровании уйти в «старый строй», чтобы жить там на своей воле и зарабатывать втрое больше. Если же повсеместная «диктатура пролетариата» все захватит в свои руки и принудительно заключит человечество в рамки социалистического строя, то уходить будет некуда [18, с. 28].

Фатальным для социализма, согласно Тихомирову, оказывается его связка с материализмом и атеизмом. Из марксистского атеистического материализма естественным образом вытекает понимание человеческой личности как продукта внешних социальных условий. Марксистский социализм, с точки зрения Тихомирова, более последователен, а потому и более разрушителен. Скроенное по марксистским лекалам социалистическое общество должно неизбежно строиться по модели тюрьмы или каторги.

Рассмотрим теперь те аспекты, в которых трактовки и оценки социализма у Чичерина и Тихомирова существенным образом расходятся.

В трактовке сущности государства Чичерин стремится избежать двух методологических крайностей — *холизма* (отождествляемого им с органицизмом) и *индивидуализма*. Государство имеет двойственную природу, соединяет

в себе два несводимых друг к другу начала — начало органическое и начало неорганическое.

Государство не представляет собою только систему учреждений, это союз свободных лиц, а свобода, по существу своему, есть начало неорганическое. Свободное лицо не может быть только органом целого, единицею, занимающею указанное ей место и исполняющею указанное ей назначение. Оно — само себе цель и абсолютное начало своих действий [26, с. 571].

Признавая относительную правоту двух главных социально-философских парадигм XIX в. — социального органицизма и индивидуализма, — Чичерин показывает, что абсолютизация какого-либо одного из двух начал приводит в конечном счете к одинаковым результатам — разрушению государства и подавлению личной свободы. В такой трактовке государства отчетливо проявляется *либерально-консервативный* характер социально-политической концепции Чичерина (см. об этом: [10; 12]).

Признавая относительную правоту органицизма в объяснении сущности государства (государство *может быть* уподоблено социальному организму, и на этом уподоблении основана не чуждая Чичерину *идея служения* личности государственному целому), Чичерин отвергает уместность и применимость органицистских метафор для описания хозяйственной жизни:

В экономической области в особенности свобода является исходною точкою и определяющим началом всех отношений. Поэтому экономическая наука, по самому существу дела, должна быть наукою либеральною. Индивидуализм тут совершенно у места; ничего другого даже не может быть. И когда социалисты кафедры и социал-политики восстают против атомистической точки зрения в политической экономии и строят небывалые экономические общества, основанные на органических или социальных началах, то они этим доказывают только, что они сошли с научной почвы, и вместо основательного изучения предмета предаются праздным фантазиям [26, с. 309].

В этом фрагменте примечательно отождествление либеральной политэкономии с *научной* точкой зрения.

Не ставя знак равенства между социализмом и органицизмом, Чичерин рассматривал социализм как одно из возможных проявлений органицистского понимания общества. Однако он показывал, что на базе органицизма могут строиться и враждебные социализму социальные теории:

Аналогия с физическим организмом тем менее может служить доводом в пользу социалистического устройства народного хозяйства, что из нее с одинаковым правдоподобием можно вывести совершенно противоположное [26, с. 309].

В качестве подтверждения данного тезиса Чичерин приводит теорию Герберта Спенсера. Растождествление понятий «социализм» и «социальный органицизм» в концепции Чичерина имеет принципиальное значение. Если рассматривать органицизм как своего рода общий знаменатель *всех* нелиберальных концепций общества и государства, то необходимо признать, что метафора общества как органической целостности будет иметь разный смысл

и продуцировать различные трактовки в контексте консервативных и социалистических теорий.

В отличие от Чичерина, стремившегося в своем философском учении совместить принципы органицизма и индивидуализма, Тихомиров всецело принимает философско-методологическую парадигму социального органицизма и холизма. Публицистические и философско-теоретические работы Тихомирова пестрят метафорами, отсылающими к органицистской модели общества: «здоровое» и «нездоровое» состояния общественного организма, «недомогание» общества, его «смертельная болезнь» и т. д. Примечательно, что в органицистских терминах и оппозициях Тихомиров описывает и концепции своих идеологических оппонентов. Данный факт свидетельствует о том, что органицистские метафоры в построениях русского философа имеют характер не частной аналогии, но универсальной и всеобъемлющей мировоззренческой модели.

Тихомиров недвусмысленно отождествляет органицизм с точкой зрения *научной социологии*:

Именуемый себя «научным» социализм в действительности никогда не совпадал с научной социологией и государственной наукой XIX в. Социология со времен Конта шла совсем иным путем <...>. Общество рисуется социологии как некоторый организм, с частями дифференцированными, но в то же время и с их координацией, не с одной «борьбой классов», но и со взаимным их содействием, причем основой общественности признается не какой-либо внешний, материальный процесс, а внутренний обмен ощущений, представлений и действий, т. е. элемент психологический [22, с. 8].

Марксистская антагонистическая теория общественного развития представлялась Тихомирову неприемлемой на том основании, что она несовместима с пониманием общества как живого и целостного организма.

Если Чичерин рассматривал социализм (в частности экономическое учение марксизма) в качестве одного из проявлений органицизма и холизма, то Тихомиров, напротив, отказывает социализму (по крайней мере, социализму *марксистскому*) в «органическом» видении социальной жизни.

Общество, которое нам теоретически рисует социализм, — это тело без души. Из него вынута творческое начало, то, что действительно есть живущая сила, т. е. личность, индивидуальность. Действие души он думает заменить действием механизма [22, с. 20].

Марксистский социализм, с точки зрения Тихомирова, не только материалистичен, но и *механистичен*, поскольку он считает человека «рабским созданием внешних условий» [22, с. 20].

В этом отношении примечательна предложенная Тихомировым трактовка происхождения социалистической теории и социалистического движения. Выделяя в составе общественной жизни два «коренных начала» (начало индивидуальности и начало коллективности), два «неразрывно связанных фактора» (индивидуализм и коллективизм), русский философ усматривал в социализме закономерную и исторически неизбежную реакцию «заброшенного коллективизма против торжествующего индивидуализма» [22, с. 5]. Следуя в парадигме

социального органицизма, Тихомиров видел в «болезнях общества» следствие одностороннего перекося в сторону одного из двух начал — индивидуализма или коллективизма. Социализм, согласно Тихомирову, «выступил как движение одностороннего коллективизма, и с этим связаны все его особенности, которые по мере развития социализма все более обострялись» [22, с. 6]. К таковым относится прежде всего «отрицательное или пренебрежительное отношение к значению личности, а следовательно, и ко всему, личностью порождаемому» [22, с. 6]. Отрицание таких фундаментальных начал социальной жизни, как семья, собственность, религия, — следствие одностороннего механистического коллективизма марксистского учения. Будучи негативной реакцией на классический буржуазный либерализм и индивидуализм XIX в., марксистский социализм, согласно Тихомирову, имеет с ним одну общую черту — механицизм, неспособность к органическому видению общества и государства.

Тезис об имплицитной «буржуазности» социализма впервые был выдвинут В. С. Соловьевым в «Критике отвлеченных начал», а затем развит в работе «Оправдание добра» [17, с. 482–483]. В дальнейшем мысль о том, что марксистский социализм несет на себе «родовые пятна» буржуазного либерализма, будет подхвачена такими философами, как Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, и станет едва ли не общепризнанной в русской религиозно-философской традиции. В западноевропейской традиции сходная трактовка марксизма в первой трети XX в. развивалась некоторыми представителями «консервативной революции», в частности О. Шпенглером [28].

Для сравнительного анализа двух трактовок социализма примечательно следующее терминологическое расхождение. Чичерин избегает называть строй, основанный на частной собственности и свободной конкуренции, «буржуазным», поскольку данный термин уже в 70–80-е гг. XIX в. содержал в себе привнесенные социалистической критикой отчетливо негативные коннотации. Термины «буржуазия», «буржуазный строй» и пр. используются Чичериным только для изложения *точки зрения социалистов*, но не своей собственной позиции. Тихомиров же использует выражения «либерально-буржуазный строй», «либерально-буржуазное государство», «буржуазная общественность», «злоупотребления буржуазного строя» в контексте изложения *собственной* точки зрения. Приведенные выражения в текстах русского философа используются без кавычек, они выражают то, что Тихомирову представлялось *объективной социальной реальностью*.

Отказывая социализму не только в научности, но даже и в логической последовательности и концептуальной целостности, Чичерин сводит все социалистические построения к *риторике и софистике*. В работе «Собственность и государство» для характеристики социализма он использует два рода эпитетов. Одни призваны продемонстрировать *логическую несостоятельность* социализма («нелепая» теория, основанная на «извращении понятий», «полное извращение истинного отношения вещей» [26, с. 358], «безумная теория», «глубочайшее внутреннее противоречие» социализма [26, с. 565] и т. п.), другие — его *утопический характер* («праздные мечтания утопистов», всякий раз разбивающиеся о «силу вещей» [26, с. 264], социализм как «доведенный до нелепой крайности идеализм» [26, с. 561] и пр.).

В оптике социализма, как постоянно подчеркивает Чичерин, «все представляется в превратном виде» [26, с. 523], социалистические построения расцениваются им как следствие «безграничного умственного и нравственного извращения» [26, с. 789]. Социализм не просто *частично искажает* подлинную картину общественно-политической жизни, он ее *полностью извращает*. Чичерин настойчиво проводит мысль о том, что социалистические построения не просто логически несостоятельны, они противоречат также науке, историческому опыту и здравому смыслу:

И умозрение и опыт, и философия и история, и внутренний голос человека и внешнее течение событий равно убеждают нас, что будущее совершенствование человечества возможно только на почве свободы, а потому мы на основании всех имеющихся у нас данных должны признать социалистические требования неосуществимыми [26, с. 788].

Здесь, однако, не может не возникнуть вопрос: если «коммунизм представляется теоретически нелепостью, а практически невозможностью» [26, с. 382], если социализм — не более чем «праздная фантазия, равно лишенная и теоретического и практического основания, не имеющая опоры ни в умознении, ни в опыте» [26, с. 263], почему в таком случае Чичерин уделяет столь пристальное внимание разбору и опровержению социалистических доктрин? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, кроется в том, что Чичерин опасался *реальных* разрушительных последствий погони за социалистической *утопией*, видел в социализме проявление «современного помрачения умов» [26, с. 526], квинтэссенцию влиятельной и опасной тенденции, состоящей в «падении веры», «презрении к философии», «отрицании всех высших начал человеческого духа», «скептическом отношении к благороднейшей способности человеческого разума, к познанию абсолютного», «извращении истинного отношения вещей и подчинении высших начал низшим как в теории, так и в практике» [26, с. 790].

Нельзя не заметить, что понятие социализма в философской концепции Чичерина в целом подпадает под классическое определение идеологии, данное К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» и позднейших работах. Социализм в трактовке Чичерина как раз и является «иллюзорным сознанием», в котором социальная действительность выступает в «превращенной форме», предстает в перевернутом виде [7, с. 37]. Маркс и Энгельс противопоставляли «иллюзорному сознанию» (буржуазной) идеологии остающееся «на почве действительной истории» *научное сознание*, Чичерин же утверждал, что в социализме «здравый смысл, история и действительность приносятся в жертву утопии» [26, с. 562]. Приведенные трактовки свидетельствуют не только о том, что марксистский социализм и либеральный консерватизм Чичерина тяготеют к противоположным полюсам политико-идеологического спектра, но и о том, что перевод одной концепции в терминах другой крайне затруднителен, а может быть, и вовсе невозможен. То, что в либеральном консерватизме Чичерина обнаруживается в качестве элементарных фактов и фундаментальных оснований социальной жизни, в горизонте марксистского учения представляется идеологическим искажением, и наоборот. Такие выражения, как «классовое угнетение», «классовый антагонизм», в концепции Чичерина не отсылают

ни к какой реальности, они являются всего лишь порожденными кривым зеркалом марксистского социализма *идеологическими фантазмами*.

В либеральном консерватизме Чичерина социализм рассматривается не в качестве целостного учения и самостоятельной идеологии, но как *набор софизмов* [26, с. 162, 448, 477]. Подобная трактовка обусловлена не только и не столько влиянием на Чичерина гегелевского рационализма и панлогизма (история политической мысли XIX–XX вв. убедительно продемонстрировала, что на почве гегельянства могут с равным успехом произрастать учения всех трех базовых идеологических спектров — консерватизма, либерализма, социализма (см.: [11, с. 209–303])). Дело, как нам представляется, в другом: ключевые социалистические идеологемы, презумпции, семантико-аксиологические оппозиции принципиальным образом не могут быть усвоены и перетолкованы в контексте либерального консерватизма Чичерина, а потому они квалифицируются русским философом не как проявления иной, пусть и неверной, но все же концептуально целостной и внутренне последовательной трактовки общества, но как *бесмысленные* и *самопротиворечивые*. Иными словами, политико-правовое учение Чичерина не имеет с социализмом никаких точек соприкосновения, общих границ и областей.

Представленная в работах Чичерина трактовка социализма ярко контрастирует с тем чрезвычайно характерным для русской философии и публицистики ходом мысли, который находит свое выражение в привычном обороте «правда и ложь...» (см., напр.: [1]). Понимание социализма как перевернутого («извращенного») видения социальной действительности категорически несовместимо с признанием какой-либо (пусть и условной, относительной) «правды социализма».

Интерпретация социализма в работах Тихомирова, напротив, вполне типична для русской религиозно-философской мысли. В брошюре с характерным названием «Заслуги и ошибки социализма» (1907) русский философ признает правоту социализма в его критике «буржуазного» строя. Социализм как протест против недостатков и злоупотреблений буржуазного общества «выдвинул много справедливого» [18, с. 4]. Историческую и теоретическую заслугу социализма Тихомиров усматривал в укреплении «начала коллективности в слишком индивидуализированном обществе» [18, с. 9]. Положительное значение социализма в том, что он, выдвигая требования «усиления общественной поддержки для отдельной личности» [18, с. 9] и «более справедливого и равномерного распределения средств к жизни» [18, с. 9], «пробуждал общественную совесть» [18, с. 12].

Когда социализм указывает современному капиталистическому обществу, хотя бы даже и с преувеличениями, на <...> массу ничем не обеспеченной нищеты, нравственное чувство человека не может не отзываться полным сочувствием к этому уroku [18, с. 11–12].

Приведенные фрагменты позволяют заключить, что политической публицистике Тихомирова при всей ее монархической и антимарксистской направленности отнюдь не чужд также и *антибуржуазный пафос* (чего ни в коей мере нельзя сказать о работах Б. Н. Чичерина).

Описание капиталистического строя у Тихомирова вполне гармонирует с духом и общей направленностью социалистических брошюр того периода:

Этот режим неограниченной свободы для немногих давал простор действия, вел к обогащению. Для всей же массы он оказывался режимом голодовок, разгула, кабака, тюрьмы, а в конце концов — как идеал, нелегко достижимый — указывал только богадельню [20, с. 14].

Сходную оценку социализма в русской консервативной традиции можно обнаружить у старших современников Тихомирова — Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, а в первой четверти XX в. — у Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, А. И. Введенского.

Социализм, порожденный, согласно Тихомирову, несовершенством исторических форм гражданского общества, *открывает обществу глаза* на социальную несправедливость:

Даже и самый призыв к революции, сделанный социализмом, имел свои полезные стороны, так как опасностью угрозы заставил подумать о справедливости даже тех, которых совесть и разум не были достаточно чутки к добровольному исполнению требований справедливости [22, с. 50].

Нетрудно заметить, что понятие «справедливость» здесь берется в том значении, которое характерно именно для *социалистической* мысли.

Социализм, согласно Тихомирову, «делается гибельной ошибкой лишь с того пункта, на котором превращается в протест против самой идеи гражданского общества вообще» [18, с. 4]. Социализм, будучи, согласно Тихомирову, естественным и законным протестом против «буржуазного общества», «выплескивает вместе с водой и ребенка» и предлагает гильотину как средство от головной боли [18, с. 28].

Посмотрим теперь, может ли требование «более справедливого и равномерного распределения средств к жизни», которое Тихомиров ставил в заслугу социалистам, иметь какой-либо смысл в контексте либерального консерватизма Чичерина.

Рассматривая любой вопрос хозяйственной, общественно-политической, правовой жизни, Чичерин постоянно подчеркивал недопустимость смешения нравственных категорий с экономическими и правовыми. Так, требование помощи нуждающимся, согласно Чичерину, имеет *этический*, а не *правовой* характер. Из этого нравственного императива не вытекает никакого *юридического права* на получение гарантированной помощи со стороны государства. Помощь нуждающимся, согласно Чичерину, — дело частной, общественной и государственной благотворительности, благотворительность же по определению *добровольна*. В социалистических теориях благотворительность смешивается со справедливостью, и «то, что может быть только свободным даром, выдается за право, которое можно вынуждать даже насилем» [26, с. 504]. Общее начало справедливости выражается, по Чичерину, в формуле «каждому свое»: «Вечная правда предписывает воздавать каждому свое, а свое по неизгладимому закону человеческой природы есть то, что приобретается путем свободы» [26, с. 369].

Недопустимость смешения юридической категории справедливости с этической категорией человеколюбия в концепции Чичерина обосновывается тем, что «право одно для всех; человеколюбие же имеет в виду только известную часть общества, нуждающуюся в помощи» [26, с. 262]. Если бы государство вздумало во имя начала человеколюбия изменять право, «т. е. вместо установления одинаковой свободы для всех, обирать богатых в пользу бедных, как требуют социалисты, то это было бы не только нарушением справедливости, но вместе с тем извращением коренных законов человеческого общежития» [26, с. 262]. Отрицая «формальную», «буржуазную» свободу во имя «идеала справедливости», социализм в действительности отрицает и свободу, и справедливость. С точки зрения Чичерина, социалистическое понимание справедливости основано на недопустимом смешении понятий, а требование «более справедливого распределения благ» теоретически бессмысленно, а практически — пагубно и разрушительно.

Тихомиров, как уже было отмечено, исходил из другого понимания справедливости, которое стоит ближе к социалистическому требованию равенства людей по отношению к средствам производства, нежели к классической формуле «каждому свое». Рассматривая частную собственность в качестве фундаментального начала всей общественной жизни, Тихомиров в то же время считал вполне законными возражения социалистов против *распределения* собственности в «буржуазном» обществе и отмечал, что «при усилении общественного попечения о личности достигалось бы и более равномерное распределение богатства, ибо его неравномерность усиливается до чрезвычайной степени вследствие частного присвоения общественной доли продуктов» [18, с. 14]. Хотя социалисты и «раздувают до абсурда» требование «общественного и государственного попечения о нуждах личности» [18, с. 13], само это требование остается законным, и оно должно обеспечиваться не только в рамках благотворительности, но и посредством принудительного государственно-правового регулирования. Социализм, подчеркивал Тихомиров, «совершенно прав, взывая <...> не к простой филантропии, а утверждая, что общество *обязано* принять меры» к изменению положения нуждающихся [18, с. 12] (курсив мой. — И. Д.).

Таким образом, требование «более справедливого» распределения общественного благосостояния вполне оправдано в контексте социального консерватизма Тихомирова, но оно не имеет никакого смысла в рамках политико-правового учения Чичерина. Несправедливость, на которую социализм, согласно Тихомирову, «открывает обществу глаза», является несправедливостью *только в оптике социализма и социал-консерватизма*.

Пункт, в котором существенно и необратимо расходятся два направления русского консерватизма, — оценка т. н. государственного социализма, а именно той модели социальной политики, которая впервые частично была реализована в Германии при Бисмарке. Теоретическим основанием социальных реформ 70-х и 80-х гг. XIX в., как известно, стали учения Адольфа Вагнера, Густава Шмоллера, Альберта Шеффлера, Людвиг Брентано и других представителей «катедер-социализма». Дискуссии между последователями революционного (прежде всего марксистского) социализма и «социалистами кафедры» в по-

следней трети XIX и начале XX в. приковывали внимание представителей всех направлений русской общественной мысли.

Чичерин в работе «Собственность и государство» уделяет воззрениям «катедер-социалистов» не меньшее внимание, чем аргументам сторонников революционного социализма. Примечательно, что Чичерин не усматривал каких-то принципиальных содержательных различий между двумя политическими программами и направлениями социалистической мысли XIX в. Несмотря на то что пути и методы этих движений различны, последствия осуществления их программ, согласно Чичерину, неизбежно должны быть одинаково разрушительными.

Желание отвлечь массы от социализма, без сомнения, весьма законно, но эта цель может быть достигнута только распространением здравых понятий об экономических началах и об отношениях государства к обществу. Когда же правительство, с одной стороны, поддерживает социалистов кафедры, а с другой стороны, внушает работникам, что они всего должны ожидать от государства, то через это зло только усугубляется. Государственный социализм не есть средство бороться с социализмом революционным [26, с. 620].

В прусском государственном социализме Чичерин усматривал опасный для общественного развития синтез социалистической идеологии с охранительным консерватизмом: «Когда консерваторы из ненависти к либералам протягивают руку социалистам, то общественному строю грозит опасность в самых его основах» [26, с. 620].

Принципиально иначе программа социальных реформ бисмарковской Германии и ее идейно-теоретический базис оценивались в работах Тихомирова. Прежде всего русский философ ставит под вопрос корректность используемого Чичериным и другими теоретиками термина «государственный социализм»: «Социализм стремится установить однослойное общество, с уничтожением классов, откуда вытекает и отрицание надобности в государстве» [20, с. 30]. Деятельность же государства по социальному обеспечению рабочих, напротив, «стремится охранить классы, привнеся в их взаимоотношения правильные нормы, при которых по возможности исключалась бы их взаимная эксплуатация и поддерживалось их взаимное содействие» [20, с. 30]. Следуя в этом русле, государство, согласно Тихомирову, возвращается «к своей естественной роли *верховного попечительства* над всеми классами и сословиями» [20, с. 30] (курсив мой. — *И. Д.*).

Разделяя тезис о внеклассовой (надклассовой) природе государственной власти и усматривая назначение государства в гармонизации различных общественных интересов и устремлений, Чичерин в то же время категорически отвергал модель государственной опеки и саму идею государства как «всеобщего опекуна». По существу своему государство, отмечал он, «не призвано быть всеобщим опекуном и благодетелем» [26, с. 616], «не его дело доставлять людям работу и наделять граждан собственностью» [26, с. 616]. «В свободном обществе, — подчеркивал Чичерин, — благосостояние каждого класса зависит от собственной его деятельности. Государство может только оказать содействие и помощь в пределах принадлежащего ему ведомства» [26, с. 616].

Иными словами, государство не должно возлагать на себя задачу разрешения «социального вопроса», оно может лишь косвенно способствовать смягчению последствий социального неравенства.

Подведем итог. Сравнительный анализ стратегий критики социализма, представленных в работах Б. Н. Чичерина и Л. А. Тихомирова, позволяет раскрыть неявные, имплицитные предпосылки двух направлений русской консервативной мысли. Если либеральный консерватизм Чичерина не имеет с социализмом никаких точек соприкосновения ни на уровне базовых презумпций и допущений, ни на уровне используемой терминологии, то политическая публицистика Тихомирова несет на себе отпечаток ряда фундаментальных социалистических идеологем («эксплуатация», «классовая борьба» и пр.).

Тихомиров усматривал главную опасность социализма в его односторонности, в абсолютизации одного из начал общественной жизни (начала коллективности) в ущерб другому (началу индивидуальной свободы). Чичерин же видел опасность социализма в его неустранимой внутренней противоречивости, в разрушительном влиянии социалистической «риторики» и «софистики» на общественное сознание. Чичерин не только отказывает социализму в какой-либо (пусть и относительной) исторической правоте, но и отрицает осмысленный и целостный характер социалистического учения об обществе и государстве. Социализм для Чичерина — феномен по преимуществу риторический и психологический. Тихомиров, напротив, признавал за социализмом не только концептуальную целостность и последовательность, но и относительную историческую правоту (социалисты, согласно его трактовке, правы в своей критике крайностей буржуазного индивидуализма).

Тихомиров не просто различает, но противопоставляет ранний утопический социализм социализму марксистскому (материалистическому). Разрушительный и антисоциальный характер, согласно Тихомирову, в полной мере присущ только материалистическому и атеистическому марксизму. Отвергая социалистическую утопию в целом, Тихомиров в то же время усматривает положительное влияние утопического социализма на «буржуазное» общество. Чичерин же в своей концепции не проводит принципиального различия между утопическим социализмом и социализмом марксистским, полагая, что утопический характер присущ социализму как таковому, а не только отдельным социалистическим учениям и направлениям.

Выявленные различия в трактовках социализма не отменяют того обстоятельства, что и Чичерин, и Тихомиров исходили из общемировоззренческой установки, которую можно обозначить как «реалистический оптимизм». Суть этой установки в том, что разрушительным и утопическим социалистическим теориям противостоят не другие теории общества, им противостоит *сама жизнь*. Ссылка русских философов на «саму жизнь» как главный, решающий аргумент в споре с социалистами отчетливо высвечивает границы не только консервативной критики социализма, но и всей классической модели построения политической философии и теории идеологии. Апелляция к тем или иным трансисторическим метафизическим сущностям («природа человека», «безусловные начала общественной жизни», «естественное право») может пред-

ставляться обоснованной и убедительной лишь для тех теоретиков, которые уже разделяют веру в *эти* сущности, исходят из *тех же самых* мировоззренческих презумпций и семантико-аксиологических оппозиций. Однако подобная апелляция не будет иметь существенного, а тем более решающего значения для теоретиков, стоящих на иных мировоззренческих позициях и пользующихся для описания общества политическим языком иной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Правда и ложь коммунизма // Путь. — 1931. — № 30. — С. 3–34.
2. Евлампиев И. И. Политическая философия Б. Н. Чичерина. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
3. Евлампиев И. И. Философские и социально-политические взгляды Б. Н. Чичерина // Чичерин Б. Н. Собственность и государство. — СПб.: Изд-во РХГА, 2005. — С. 3–30.
4. Емельянов Б. В. Б. Н. Чичерин. Интеллектуальная биография и политическая философия. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003.
5. Зорькин В. Д. Чичерин. — М.: Юридическая литература, 1984.
6. Лобеева В. М. Социальная философия Б. Н. Чичерина: системный анализ. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М., 1955. — Т. 3.
8. Милевский О. А. Л. А. Тихомиров и рабочий вопрос в России // Консерватизм в России и в мире: в 3 ч. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. — Ч. II. — С. 126–145.
9. Милевский О. А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004.
10. Миронов А. Е. Концепция «либерального консерватизма» Б. Н. Чичерина // Социум и власть. — 2008. — № 4. — С. 81–86.
11. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля. — М.: Юристъ, 1998.
12. Попов Э. А. Л. А. Тихомиров и Б. Н. Чичерин: спор оппонентов // Либеральный консерватизм: история и современность. Сборник трудов конференции. — М.: РОС-СПЭН, 2001. — С. 188–194.
13. Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. — М.: Academia, 2011.
14. Смолин М. Б. Государственные идеи Льва Тихомирова // Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. — М.: Москва, 1999. — С. 5–18.
15. Смолин М. Б. Имперский проект социального монархизма Л. А. Тихомирова // Тихомиров Л. А. Церковный Собор, единоличная власть и рабочий вопрос. — М.: Москва, 2004. — С. 5–34.
16. Смолин М. Б. Очерки имперского пути. Неизвестные русские консерваторы второй половины XIX — первой половины XX века. — М.: Москва, 2000.
17. Соловьев Вл. С. Оправдание добра. — М.: Ин-т русской цивилизации, Алгоритм, 2012.
18. Тихомиров Л. А. Заслуги и ошибки социализма. Социально-политические очерки. Очерк 2. — М., 1907.
19. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998.
20. Тихомиров Л. А. Рабочие и государство. — СПб., 1908.
21. Тихомиров Л. А. Рабочий вопрос: практические способы его решения. — М., 1909.

22. Тихомиров Л. А. Социализм в государственном и общественном отношении. — М., 1907.
23. Чичерин Б. Н. Сен-Симон и его школа // Вопросы философии и психологии. — 1901. — № 6 (60). — С. 615–698.
24. Чичерин Б. Н. Вопросы политики. — М., 1903.
25. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. — Берлин, 1900.
26. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. — СПб.: Изд-во РХГА, 2005.
27. Чичерин Б. Н. Философия права. — М., 1900.
28. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. — М.: Праксис, 2002.